

ВСТУПНЕ СЛОВО ГОЛОВНОГО РЕДАКТОРА

О ЗАКОНАХ ФИЛОСОФИИ

Б. В. Новиков

*Національний технічний університет України
«Київський політехнічний інститут імені Ігоря Сікорського», Київ, Україна*

Закон есть форма научного мышления (познания и знания), отражающая устойчивое, повторяющееся, объективное, существенное и необходимое во взаимодействиях. Если просто во взаимодействиях, а не во взаимодействиях определенных, частных, либо общих (социальных, экономических, политических, демографических, технических, технологических, биологических, химических, физических etc.) – то это закон (законы) философский. Выражающий, отражающий различные аспекты субстанциальных взаимодействий. Субстанциальных, т.е. беспредельных. Всеобщих. Именно поэтому он не формулируется – в отличие от законов общенаучных и частнонаучных – в виде дефиниции. В виде определения. Ибо, повторяю и подчеркиваю, он имеет дело, выражает, отражает беспредельное. Его стихия – стихия всеобщности. Стихия субстанциальности. Поэтому в философии – единственно: в научной философии – всеобщее все: предмет (субстанция), методология (диалектика), язык (категории), мировоззрение (универсальное). Вестимо – законы. Все законы. Уже сущие (открытые) и все, которые будут открыты.

Здесь и теперь мы будем вести речь именно о философских законах. А если уж быть совершенно точным – о законах философии, которые принято называть основными. Почему «философии», а не «диалектики», и почему «принято называть»? Ведь во всем корпусе как добротной научной, так и учебной литературы философской – именно: «законы материалистической диалектики» и «основные» без всяких там «как бы»...

Полагаю, в случае первом имеет место определенный стереотип, сложившийся исторически, – и сложившийся именно в философии т.с. второго, репродуктивного ряда, второго порядка: в учебной, в дисциплинарной, в воспроизводительной, в репродуктивной, а не в производящей своей ипостаси сущей. Ну, т.е. в философии как учебном предмете, курсе, дисциплине. Несущей на себе почти неизбежный отпечаток заштампованности, стереотипности, нередко – обусловленной побуждениями, установками, решениями чисто конъюнктурного порядка, политической и идеологической целесообразности etc.

Да и то сказать, научные труды (философские) и учебники (пособия, справочники, методички) по философии чаще всего пишут ... разные люди. А оно ж как: понимающий, знающий и умеющий – делает, а не понимающий, либо понимающий слабо etc. – учит, как надо делать... Первые – исследуют, последние – составляют...

Наука (включая и научную философию), как и всё настоящее, есть осуществляющееся диалектическое противоречие, как и всё действительное, есть единство сущности и существования. В общем случае наука есть осуществляющимся противоречием, противоположностями которого есть процесс (методология) и результат (теория). Есть познание и знание. В случае философском – гносеология и эпистемология. И научная философия безупречно в самом своем (полном) названии подтверждает это: как методология – материалистическая диалектика; как теория – диалектической материализм. Ни убавить, ни прибавить. Все на месте, и ничего лишнего. Т.е. не просто истинно, но и красиво.

Огюста Родена как-то спросили, как ему удается ваять такие прекрасные вещи. Он ответил приблизительно так: «Не знаю. Просто беру кусок камня и отсекаю все лишнее».

Так вот, говоря «законы диалектики», обедняют не только самую философию, но и диалектику, ибо осуществляют (не суть: по невежеству, либо по умыслу злему, намеренно или нет) искусственное разъятие единого, органического, живого, развивающегося целого – философии. Научной философии (см. выше).

Ну да Бог с ними, с законами. К ним возвратимся чуточку позже (ниже). А пока – несколько слов по поводу деления на «основные и неосновные». Тут особенно чувствуется властная, тяжелая рука, непреклонная решимость и железная воля методиста. Дидактика. Ментора. Назидателя... Который всегда знает «как надо». Чужд любых сомнений. И всегда «колеблется вместе с генеральной линией». Какая бы она ни была. Лишь бы «генеральная».

Все по колбочкам, все по полочкам, все засушить, все заспиртовать, все учесть и типологизировать И: «не баловать у меня!». Главное: соблюсти неприкосновенность. Ну и чистоту. И порядок, разумеется. И несть числа племени этому: блюстителям чистоты и порядка. Охранителям. А все ж зависит от того, как их, эти порядок и чистоту понимать. Как хранить. Дохранялись...

Словом, ни авторства, ни оснований (убедительных). Ни аргументации, ни доказательств неопровержимых. Ну всех этих околонучных шедевров: «основные – неосновные», «коренные – некоренные», «главные – неглавные», «первостепенные – второстепенные» etc.

...Труднее всего искать то, что находится на виду. Есть вещи, которые в силу своей очевидности, традиционности, привычности, обыденности и общности как-бы «воспаряют» над необходимостью исследования самой природы и сущности их... в силу этой самой очевидности. И до поры до времени они остаются вне поля зрения и строгого суда научного познания, и знания. Научного исследования. А, избегая этой своей участи: тщательного логического, методологического etc. досмотра, – безупречного научного исследования, – травмируют практику. И – ее результаты. Иногда – непоправимо.

Нечто подобное наблюдается, в частности, в отношении корректности и правомерности деления научного познания и знания (наук) и базируемых на них учебных дисциплин (предметов, курсов) на точные и неточные, на конкретные и не. (И хотя не говорится, что существуют науки «неконкретные», но такой вывод имплицитно содержится в почти категорическом признании того, что «есть науки конкретные»).

Что касается правомерности деления наук на «точные» и «неточные», то в данном случае исследователь, что называется, с порога, наталкивается на необходимость строго определиться по отношению к тому, чтобы однозначно (точно) определить гносеологический и эпистемологический статус самого понятия «точность», «точный». А определение это (казалось бы, столь привычное, столь простое и очевидное) затрудняется тем, что данное понятие – это определенная «философская интуиция».

В словаре В.И. Даля сказано: «Точный – точь-в-точь, аккурат, верный, во всем равный, подобный, без розни». В «Философской энциклопедии» и «Логическом словаре» Н.И. Кондакова ничего не сказано.

В Большой Советской Энциклопедии речь идет о «точности классов», «точности системы автоматического управления», «точности в машиностроении», «точности химического анализа», «точности измерения», «точности меры и измерительного прибора», но вовсе не о точности как о философской (всеобщей и необходимой) категории. Т.е. говорится о точности как о чисто атрибутивной, предикатной характеристике.

Всего лишь.

Все эти «точности», в принципе, замыкаются на одном: на степени близости (измерения, изготовления etc.) к истинному (идеальному) значению измеряемой (изготавливаемой) величины, продукта к такому идеалу, образцу, эталону и т.п. Таким образом, точность уже в этой своей интерпретации – в первой итерации – выступает скорее как... неточность достигаемых в социальной (культурной) реальности и действительности познавательных и практических процессов и результатов, предполагает некий «зазор», некое отклонение от существующего материального, чувственного, либо же лишь мыслимого эталона, идеала, образца, указывает на рассогласованность с ним, а, в конечном счете – с истиной. Можем предложить такой вариант понятия точности. Точность есть истина, применительно к социальной реальности и к действительности, т.е. к социальной материи, к культуре. Таким образом, мы выходим на понятие, на философскую категорию, научный (истинный) статус которой не вызывает сомнений, ибо учение об истине (истинном познании и знании) представляет собой один из центральных и важнейших моментов диалектико-материалистической гносеологии и эпистемологии, как методологии и теории отражения. Составляет ядро логики. На категорию истины. Коннотацией коей, безусловно, есть понятие точности.

Не повторяя здесь основных положений данного учения, которые давно уже стали хрестоматийными, заметим лишь, что из понимания истины как сущностной характеристики человеческого познания и знания, верно, адекватно отражающих, познающих и знающих свой предмет (объект), совпадающих с ним, вытекает следующее. Если под наукой, рассматриваемой в чисто логическом аспекте, подразумевать познание и знание вполне определенного свойства, а именно: исторически развивающееся, логически непротиворечивое (дискурсивное и рекурсивное), систематизированное и истинное; предполагающее свой предмет, массив уже накопленного знания и опыта познания

реальности и действительности, свой понятийный и категориальный аппарат и свой инструментарий (методики и методологию), – то вполне естественным является вывод о том, что если наука «не точная» (т.е. представляет собой не истинное познание и знание о предмете), то это и не научное познание и знание (не наука) вовсе. Разумеется, для доказательства данного вывода необходимо разворачивать все необходимое многообразие доказательств и аргументов, но это как раз и было бы разворачиванием ... диалектико-материалистической теории истины. В составе учения о научном познании и знании как методологии и эпистемологии в составе учения об отражении.

Философия – научная философия – единственно доступный человеку способ утверждения тождества собственной единичности со всеобщностью; способ установления собственной принадлежности и тем самым – соразмерности с субстанцией. С абсолютным. Своей уникальности – с универсальностью. Своей определенности – с беспредельностью.

Освоение научной философии – это не только единственный способ обрести способность мыслить разумно, т.е. диалектически; это не только непрременное условие и способ «достраивания» своего единичного духа до всеобщности и тем самым – становление его, духа, понимающим, полноценным, в сущности: нормальным; это ещё и единственное лекарство – антидот – от фрустрации, от интоксикации, от самоотравления человека мыслью и чувством о несоотнесимости собственной, единичной экзистенции с вечной и бесконечной субстанцией. О своей ничтожности и никчемности. И – единственное условие, чтобы мыслить разумно, чтобы понимать. Не просто запомнить, знать, быть эрудированным, быть информированным etc.

Чем мыслящий человек (люди, общество) отличается от информированного? В первую очередь тем, что у мыслящего есть шанс стать понимающим. (Понимание – способность мыслить единичное как момент всеобщего, а всеобщее – как бесконечность единичного, опосредованных общим). У информированного этот шанс категорически равен нулю. Ибо в первом случае: и результат (знание), и путь, к нему ведущий (познание), т.е. результат и процесс являют собой отношение противоположностей одной сущности: осуществляющееся диалектическое противоречие. Притом – в векторе смысла, в векторе целеполагания.

Между «знать» и «понимать» такая же разница, как и между глазами и видеть, слушать и слышать, наткнуться и осязать, словом, между ощущать и чувствовать.

Повторяю: понимание – способность мыслить единичность как момент всеобщности, а всеобщность – как бесконечность единичного, опосредованных общим. Это – разумное мышление, диалектическое мышление.

То есть, понимание предполагает и представляет собой полноценное мышление, имя которому – разум. Притом разум, повенчанный со смыслом. Где, если уж и не в гармонии, то, во всяком случае, во взаимодействии находятся и теория, и методология, и практика.

Информированный же – это получивший (получающий) готовый (в готовом виде) результат в режиме воздействия. Извне. И что это: инфляционный шум, догма, докса, или откровенная деза, сам реципиент ... не понимает. Потому как: «понималка» развита слабо. Или – и вовсе не вызвана к жизни, не развита. Ведь не разумный, но: информированный... Не образованный, но «нафаршированный». Эрудированный. Не способный реконструировать прошлое и предвосхищать будущее, но живущий сугубо адекватно-ситуативно, в режиме: «стимул – реакция»...

В части же правомерности деления наук на «конкретные» и «неконкретные» дело обстоит гораздо проще. Ну, то есть – еще хуже. Если в первом случае «неточное» употребление понятия «точный» объективно обусловлено либо неразработанностью, либо просто логическим бескультурьем и логической неряшливостью (в лучшем случае – неаккуратностью) использования гносеологического и эпистемологического статуса данного понятия и, в определенной степени, извинительно, то во втором случае подобная извинительность уже очевидно, – кричаще, – сомнительна. Неуместна. Недопустима. Есть признаком за критического уровня философской культуры субъекта подобного «различения». Конкретность истины – непрменная, имманентная, – субстантивная, – характеристика последней, характеристика диалектическая. Это необходимое (правда, недостаточное само по себе) ее определение. Ее признак. «Истина всегда конкретна, истины абстрактной нет». И если познание и знание неконкретно, истина перестает быть. Правда, истина, являясь объективно-субъективной, абсолютно-относительной, конкретно-абстрактной – является, – как и сами познание и знание, – диалектичной по своей сущности, представляет собой перманентно осуществляющееся диалектическое противоречие, процесс-результат в мышлении, как отражение осуществляющегося противоречия процессов и состояний (результатов) в объективной реальности и в действительности. Есть воспроизводство

(отражение) в формах развития мышления форм развития самих реальности и действительности – сложный, как сама истинно отражаемая познанием и знанием (субъективной диалектикой) беспредельная, – объективная, – диалектика беспредельной субстанции.

Конкретность как выражение, как результат постоянного углубления научного познания и знания в свой предмет и воспроизводство в самом себе в виде логических определений (познанных взаимодействий) бесконечного многообразия взаимодействий реальности и действительности – это непереносимое условие всякого отражения, а не – произвольно (в режиме произвола) – умозрительно конструируемых мыслительных конструкций.

Сама природа научного познания и знания, его дискурсивность и рекурсивность, способность к антиципации (опережающему отражению) и т.п. свидетельствует о том, что лишь потому мы имеем дело с законами логики, законами (принципами) науки, что последние выступают формами человеческого мышления, охватывающими, оформляющими, отражающими необходимость, содержательность, царящую в самой реальности и действительности. А что есть закон (принцип)? Повторяем. Это форма научного мышления, постигающая в исследуемом предмете (объекте) устойчивое, повторяющееся, объективное, существенное и необходимое во взаимодействиях. Каждое из указанных требований (к закону) – необходимое, но лишь вместе они – достаточное основание для вывода: перед нами – важнейшая форма научного мышления: закон (принцип). Есть законы, которые открывают, а есть – которые пишут (голосуют, «принимают»).

Первые есть «схваченная мыслью необходимость» (Гегель). Природная, техническая, технологическая, историческая, экономическая, политическая, философская etc.

Еще раз повторяем.

Закон – форма научного мышления, адекватно отражающая устойчивое, повторяющееся, объективное, существенное и необходимое во взаимодействии. А поэтому, особо и акцентированно подчеркиваем, законы не придумывают, их открывают. А когда они открыты, их никогда, никому, и ни при каких обстоятельствах не дано «закрыть». Отменить, объявить, – ну объявить-то можно, доказать подобное – нет, – неправильными и т.п. Ни-когда. Ни-ко-му!

...Иначе обстоит дело с законами «написанными», «принятыми». Вообще говоря – с юридическими, регулирующими все сферы и аспекты человеческого жизнебытия. Т.е. – с системой права. С одной стороны, без них – никак. По крайней мере вчера, нынче и в обозримом будущем. С другой: почти безграничный простор для субъективного произвола. Иногда – необузданного. Можно быть «законным», но нелегитимным. А должно – совпадать. Что есть легитимность? То, о чем немцы говорят: «Das Gesetz muss aus Gedanken des Volkes geschprochen sein». «Закон нужно выспросить у народа». Тогда он – закон и по сущности, и по существованию. Т.е., тогда он закон не реальный, но действительный. Таким образом, можно сделать вывод: все открытые законы – действительны; законы принятые действительны лишь в случае, если они легитимны.

Касаемо принципов. Принцип есть тот же закон, но – основательнее. В нем, в свернутом виде – целое учение, целая научная теория. Фигурально выражаясь, можно сказать, что принцип – это закон законов, а, равно – иных гносеологических и эпистемологических научных форм, в которые, с – помощью которых, – принцип разворачивается. Эксплицируется.

Можно и должно, т.о., «делить» на, – относительно самостоятельные, – частные, общие и всеобщую (философия) науки; естественные, общественные, технические, прикладные, фундаментальные etc. Но не на неточные и точные же, или, тем более, на конкретные и неконкретные.

К слову, кроме вышеприведенных «очевидностей» не менее распространенной есть еще одна: деление наук на «гуманитарные» и «негуманитарные».

И если в вышеприведенных случаях перед нами явно заниженный уровень философской культуры субъектов подобных различий, то, в случае последнем – это свидетельство ее... полного отсутствия. А, поскольку «свято место пусто не бывает», то и не просто ее – культуры – отсутствие, но наличие кричащего философского бескультурья. Просто бескультурья и безвкусыя (дурновкусыя). От этого вовсе не страшит тот факт, что субъектом (носителем) такого бескультурья является нотариально заверенный философ. Уж о «философах» и речи нету.

...Философская культура. И – бескультурье...

Ведь можно «и верно, да скверно».

И читаешь – сплошь и рядом – в учебниках, пособиях, энциклопедиях и словарях научных (не потому, что образец научности, но ведь здесь редакторский контроль – особо тщателен, здесь «базар фильтруется» особо), не говоря уж о монографиях, статьях, диссертациях, тезисах etc.: «ленинское определение материи», «пространство и время есть основные формы существования материи», «аналитический разум», «закон перехода количества в качество», «теория познания», «постнеклассика», «научная саморефлексия», «учение об истине», «нас окружает действительность», «уход в основание», «все развивается по спирали: от низшего к высшему». И так – без счета. Воистину – у глупоты пределов нету. И буде бы: «пересічні громадяни». Так ведь все – с головы до пяток, – как елка новогодняя, – увешаны титулами, степенями, званиями. Все – нотариально заверенные... Они – ни с чем не разминутся, ничего не упустят. Ни своего, ни чужого. Ну и «как с этим бороться?». Ну не системой же угроз и запретов, выговоров и штрафов!

Вон, Минздрав предупреждает: курение убивает. Ну и что: повально бросают курить? Ну нельзя же быть такими... наивными! Они кого на испуг – то засобирались взять?

Скорее, и даже гарантированно – здесь обратный эффект. И соответственно, реакция. Как на табличку «По газонам не ходить!», «Мусор под ноги не бросать!», или, там: «Руками не трогать!». На эти лающие, концлагерные команды, на попытку общаться со мной (и, подозреваю, не только со мной) в подобной стилистике и тональности, на попытку угрожающего вербального воздействия (деформированного взаимодействия) реакция будет тоскливо однообразная: буду ходить, бросать, лапать... Ну, т.е., отстаивать свое достоинство, или чего там от него ещё осталось, как сочту нужным. Или еще.

Какое глупое, беспросветно-невежественное, ходячее выражение: «процесс развития»! А ведь: почти идиома.

...Развитие возможно лишь – исклю-чи-тель-но – как процесс - результат, как взаимопроникновение противоположностей одной сущности с точки зрения его источника; как отрицание отрицания с точки зрения направленности, ритмики, архитектоники развития; как механизм взаимодействия внешней (количество) и внутренней (качество) определенностей; как императив действительного гуманизма – с точки зрения смысло-жизненного измерения, фокусом, контрапунктом которого являются человек, люди, человечество. Каждый, многие, все.

В мире, в культуре нет ничего, – ничего, – что не было бы гуманитарным. Т.е. тем и таким, к чему (кому) не прикоснулся бы субъект. Субъект духа, чувственности, либо практик. Субъект индивидуальный (единичный), групповой (общий), либо всеобщий (человечество).

В первой итерации культура есть противоположность природы (природы): природы как непосредственно взаимодействующей с человеком (людьми, человечеством) субстанции. Материи. И здесь культура – все, к чему «прикоснулся» субъект (индивидуальный, групповой, всеобщий; человек, люди, человечество). Это и ложное, и истинное; и доброе, и злое; и прекрасное, и уродливое; и полезное, и вредное.

Культура в этом, – первом, – приближении – это и высочайшие взлеты человеческого духа, чувств и практик – классическая культура; и самые мрачные, трагические и позорные страницы (практические дела, мысли и чувства) культуры: войны, горе, нищета, подлость, несправедливость, угнетение, страдания, смерть, невежество etc.

Короче говоря, в культуре как таковой нет ничего, что было бы внечеловеческим (негуманитарным). Гуманитарны, разумеется, и все науки (равно, как и вненауки: донауки и антиннауки, квазинауки и псевдонауки).

Иное дело, что сама культура есть явление строго диалектическое: представляет собой осуществляющееся диалектическое противоречие, полюсами (противоположностями) которого, в аксиологическом ее – культуры – измерении, есть культурная культура, гуманистическая культура и антикультура, культура антигуманистическая. А в этих «полюсах» – там всякая: и субкультура, и псевдокультура, и квазикультура, и суррогаткультура, и ...

Короче говоря, необходимо строго различать гуманитарное и гуманистическое (антигуманистическое). Не является исключением здесь и случай с науками.

...А их все «различают»: «гуманитарные» – «негуманитарные». А равно: «точные» – «неточные», «конкретные» – «неконкретные».

А оно ж ведь как: «Когда названия неправильны – суждения несоответственны. Когда суждения несоответственны – дела не исполняются» (Конфуций).

А, впрочем, о чем спорить. И – с кем спорить? Для подобного рода «дискуссий» здоровья надо больше, чем ума. Ведь добре известно, что истина одна (не едина, но одна), а у глупоты – пределов нету. Оно, конечно, здоровья, вернее, его остатков – жалко, но

несравненно более жаль – времени. Того самого, которое, при определенных обстоятельствах – самое большее (да, собственно, и единственное) богатство. Время творчества. Человека, людей, человечества. Каждого, многих, всех. Так на что же (и на кого же) его изводить? Тратить?! Убивать и гробить своими же руками?!!

Вернемся к нашим законам.

«Основным». «Диалектики».

Их – три. Их открытие приписывается Г.В.Ф. Гегелю. Я бы не был столь категоричен. Это тоже один из несметного числа ложных стереотипов, утвердившихся прежде всего в литературе дидактической. Собственно, как открытие закона ему можно (я опираюсь на собственный опыт жизни в философии и жизни философией) приписать, зачесть (коряво как-то звучит, ну как там еще можно сказать?) – один закон. Закон отрицания отрицания. Да и то: уже у Прокла вполне отчетливо просматриваются очертания того, что позже станут называть «гегелевская триада»...

Повторяем, уже неоплатоник Прокл знал, – и понимал, – то, что недоступно, – защищено от них собственной сложностью, – нотариально заверенным в свое время (о нынешних и речи нет) кандидатам и докторам «от философии»: триада (алгоритм закона отрицания отрицания) – это развитие. Развитие, а не «поступательное», «восходящее», «прогрессирующее», «от простого к сложному» и т.п. «развитие». Ведь гегелевское «положительное» – это «то, что положено»; необходимое, а отнюдь не «позитивное» лишь.

...Триада Прокла выражала и регрессивное, нисходящее в развитии, движение от универсального богатства мысли к ее дроблению и содержательному обеднению.

Касаемо же законов двух остальных – здесь ему, Гегелю, – безусловно и бесспорно, – принадлежит лишь честь их безупречной формулировки. Редакции.

Закон взаимного проникновения противоположностей.

Закон взаимного перехода качества и количества. Ни убавить, ни прибавить. Шедевр. Ну, т.е. закон. Тот самый, который не «пишут», «принимают», «голосуют» etc., но который открывают. От-кры-ва-ют. И, когда он уже открыт, его уже никому не дано «закрывать». Именно потому, что это закон (см. выше). Не, ну «закрывать», предположим, можно. Существует целая индустрия «закрывания». И легионы – «закрывателей». Профессиональных и факультативщиков. Результат – один: «закрывать» можно, закрыть – ни в жизнь.

...Умаляет ли хоть на толику, хоть на иоту роль, значение, масштаб фигуры Г.В.Ф. Гегеля сказанное выше? Гегеля как мыслителя, Гегеля как философа? Какая глупость! Уж не говоря о том, что сформулировать безупречно (не бывает содержания неоформленного, равно как и формы бессодержательной) – это не менее ценно и важно, чем открыть, что называется, «с листа». Широко известны две редакции закона взаимного проникновения противоположностей, авторство которых принадлежит очень известным людям. Вот эти варианты.

«Закон единства и борьбы противоположностей». Здесь – очевидное переопределение. Верно, да скверно.

«Закон борьбы противоположностей». Здесь – просто скверно. Ни диалектики. Ни закона.

А вот, повторяю, формулировка в редакции Гегеля:

«Закон взаимного проникновения противоположностей».

Ни убавить. Ни прибавить. Истинно. Красиво. Ну и, разумеется, добро. И – полезно.

Мы уж не говорим о том, что именно Гегелю однозначно и безусловно принадлежит авторство в открытии многих других философских законов. Упомянем хотя бы закон «иронии истории» и закон «диалектики рабства и господства». Но, поскольку цель настоящей работы вовсе не апология Гегеля и уж тем более – не его «развенчание», – в первой он не нуждается, второго не заслуживает, – сказанным и ограничимся. Гегель – философ номер раз во всей донаучной, – более чем двух - с - половиной - тысячелетней, – философской традиции. Номер раз. Именно благодаря ему целый период развития мировой философской мысли вполне официально, законно, по праву, и, если можно так выразиться – легитимно, носит звание: классическая. Немецкая классическая философия. Она-то немецкая (одна страна – Германия); и философов - то, строго говоря, можно, – и не фигурально, но буквально, – на пальцах одной руки сосчитать: Эммануил Кант; Иоганн Готлиб Фихте; Фридрих Шеллинг; Георг Вильгельм Фридрих Гегель; Людвиг Андреас Фейербах. Все! Alles! Но: классическая. Т.е. непреходяща. Нетленна. Т.е. – всемирна. Т.е., являющаяся достоянием, принадлежащая общечеловеческой, действительной духовной культуре; квинтэссенции, сердечнику, ядру этой культуры – философии. И Гегель здесь, в этой очень

приличной компании – лучший. Лучший из хороших. И это не оспаривается и никогда оспорено не может быть и не будет. Ибо – истина.

Впрочем, это все (сказанное выше) – отступления. Возможно, и весьма уместные и даже нелишние для тех выводов и умозаключений, которые мы намерены сделать ниже. А намерены же мы ни много, ни мало, а сформулировать «четвертый основной» «закон диалектики». Ну, то есть: впервые сформулировать. Т.е. – открыть. Да, вот так, просто и буднично. Что поделаешь: скромность, это конечно, хорошо. Если она – не единственная твоя добродетель... И готов рассмотреть все возможные, – не сомневаюсь, что они будут и немало, это рутинное условие и даже способ развития науки, а с тех пор, как она стала научной, – то и философии, – возражения и контраргументы. Любую, – конечно, желательно, конструктивную, – критику.

Итак, начнем. Исходная, – отправная, стартовая, – точка (любого: частного, общего, либо всеобщего (философского) познания есть вопрос: «что?». Ну, если у объекта, что называется, «прощупывается пульс», то и «кто?». Ну, то есть, в центре любого вопрошания стартовым, начальным его моментом, вопросом есть: «что-кто?». Дальше ситуация «разветвляется». Прямо из него следуют (вытекают): «почему?», «как?», «откуда-куда?».

О причине, источнике бытия и небытия, возникновения и пребывания, становления и ставшего etc. этого самого «что-кто?».

О механизме, о характере взаимодействия внутренней (качественной) и внешней (количественной) определенностей этих самых «что-кто?».

О ритмике, направленности, архитектонике их же («что-кто?») родимых.

Итак, вопросы сформулированы. И тут в свои права неумолимо вступает диалектика. Что есть вопрос? Свое - иное - себя ответа. Т.е. начинается поиск ответа. Да не просто, а одного. Того самого. Сокровенного. Единственного. Истинный который. И однажды его – находят. От-кры-ва-ют. Особо подчеркнем: культура вопрошания столь же важна (и сложна) сколь и культура ответа, решения. На вопрос отвечают адекватно. Задачу развязывают верно. Проблему решают правильно.

Ну так вся история философии от истоков, и ныне, и присно, и во веки веков (и не только философии, но и всех – относительно самостоятельных – наук, сущих и будущих) – это есть перманентная история такого вопрошания, озадачивания, проблематизации, и – решения и отвечаия. Но мы – здесь и теперь – о философии.

При желании можно предельно конкретно и точно, подробно и с деталями исследовать траектории как формулируемых вопросов (они ведь, повторяем: свое - иное - себя ответов), так и – вариантов и попыток ответов на них. Включая и особенности (редакцию) самое формулировок этих ответов.

Короче говоря, то, что принято, даже общепринято (стереотипы – вещь весьма консервативная и устойчивая) называть «тремя основными законами диалектики», это есть не что иное, как три адекватных – в форме закона – ответа на три вышеназванных, сформулированных во всеобщей форме вопрошания: «почему?», «как?», «откуда – куда?».

Однако же, какая-то безлюдная, неуютная, вовсе не населенная смысло-жизненными измерениями философия получается. Прямо скажем, дефективная философия. Какой-то лунный пейзаж, сродни сюжетам нео-, пост-, etc. позитивизмов... По крайней мере, такой ее с радостным, – кто со щенячьим, кто вполне трезво-расчетливыми, – визгом и воплями спешат объявить: «гнушающейся человеческого измерения», «антигуманной», «экономическим детерминизмом» и т.д. – до бесконечности. Дурной и намеренно, умышленно злопахательной бесконечности, разумеется. И тут же: «подпорки», «заменители», «альтернативы»: персонализм, фрейдизм, неофрейдизм, экзистенциализм, трансгуманизм... Или, вон, радикальной «антидот» супротив истины – постмодернизм...

Граждане разбойники (от слов «духовный разбой») и прочие духовные фальшивомонетчики. Ударники антинаучных и антигуманных бдений и усилий. Успокойтесь. Без нервов! Продолжайте то время недолгое, которое у вас пока есть, трудиться на фабриках неспонтанного мифотворчества. Кто на началах общественных (факультативно), ну а большинство – за бабульки (в основном – грязно-зеленого цвета). Тут ведь ключевое слово – «фабриках». Т.е. – фабрикуйте. И о вас – все. Ну, т.е. ничего хорошего-то сказать нечего.

...В свое время высочайшего уровня философской культуры советский философ, Генрих Степанович Батищев сказал приблизительно так: «Лишь для того, кто ничегошеньки не понял в научной философии, дело может представляться таким образом, что в ней есть хотя бы одно слово, которое было бы гуманистически нейтральным». Святая правда.

Kurz sagt. Короче говоря. Их не три, «основных» закона философии. Их – четыре. Ну, в той самой – см. выше – «разветвляющейся» ситуации. Повторю. Исходный: «что – кто?». Непосредственно вытекающие: «почему?», «как?», «откуда – куда?». И – соответствующие ответы (см. выше).

Одного не достаёт. «Для чего?». Ну, того самого, насквозь пронизанного жизненными смыслами и измерениями. Того самого, который отвечает на вопрос, почему любая наука – это не просто наука о соответствующих, определенных, а, в случае с философией – просто о взаимодействиях, но о плохих, пло-хих, ПЛОХИХ взаимодействиях! Ведь, для чего познаем и знаем? Отчего (если мы нормальные, разумеется) суть празднуем науку? Да для того лишь, чтобы руководствуясь ею, основываясь на ней – практически изменять мир, изменять самих себя.

Что поделаешь, такова уж сущность человеческая: постоянно, непрерывно, перманентно превосходить себя по существованиям. «Мир не удовлетворяет человека и своим действием он решает изменить его»... И делать его лучше. Еще лучше. Еще лучше. Этому нет границ и пределов нету. Это – творчество. Творчество как способ существования действительного гуманизма. Что есть антипод творчества? Святие, как способ существования реального антигуманизма.

...Мало познать необходимость и иметь возможность практически действовать на основании этого и такого познания и знания. Это: свобода. Имманентное условие бытия и творчества, и гуманизма действительного.

Необходимо самое свободу сделать должествованием, императивом, т.е. опять таки... необходимостью. Целеполагаемой необходимостью. Сущей в форме практической всеобщности. То есть – насущной. Вспомним: «Разум существовал всегда. Не всегда — в разумной форме» (Маркс).

Мало. Надо, чтобы разум был разумным в форме практической всеобщности.

Это есть основанием свободы как необходимости.

«Перегнуть» необходимость в свободу – сложно, но можно. А вот «перегнуть» свободу в необходимость, сделать её необходимостью, т.е. обеспечить ее, свободы, бытие в форме практической всеобщности – это воистину достойная идея, цель и практическое дело. Действительным гуманизмом называется... Это как парафраз: от освоения «природы первой» к освоению «природы второй». Свобода как необходимость, – это свобода, выпущенная (вышедшая, вырвавшаяся) на свободу.

Сущностные силы – это потенциал, способности и потребности человека в «свернутом», не актуализированном виде. «An sich». Когда они «Für uns» – они явлены, осуществлены, актуализированы. Объективированы, воплощены, опредмечены. Вестимо, названы. Сущность человека: быть (в случае нормального человека!) неисчерпаемым субъектом, а, в случае творца – субъектностью, вызывания к жизни и осуществления (опредмечивания – распредмечивания) сущностных сил.

Существование – практически осуществленная (объективированная, материализованная etc.) сущностная сила. Во плоти сущая, т.е. воплощенная. Чувственная. Духовная.

Жизнь гуманистическая в форме практической всеобщности – значит, жизнь в форме культурной необходимости. В форме воли (творчества, гуманизма, действительности, интеллигентности, истины, добра, красоты, пользы etc.), то есть свободы, ставшей необходимостью.

А как обо всем сказанном, да одним предложением?

Да элементарно: от развития реального – к развитию действительному, от какофонии свития – к симфонии творчества.

...Когда-то мой коллега и товарищ В.Г. Абакумов – специалист-акустик, электронщик так определил свою науку: «Электроника – это наука о плохих электрических контактах». В этой формуле – ключ к конкретизации и обогащению формулы Ф. Энгельса. Напомню ее: « В мире царит взаимодействие всего со всем и познавать кроме него нечего». В нее, в формулу эту, вводится смысло-жизненное, ценностное, – аксиологическое, – измерение. «Плохие». А: хочется, вестимо – хороших. И, в конечном, счете, а зачем: познаем? И – знаем? Да исключительно для того, чтобы практически изменить. В практиках. В своих интересах. Ну и, понятно – в векторе: «хорошо». Ну не «еще хуже, чем было» же. Хотя, в жизни – там повсякому бывает. Ибо: сколько людей, сколько человеков, сколько обществ и сообществ – столько интересов, потребностей, целей, устремлений. Часто – взаимоисключающих. Никогда – не совпадающих абсолютно хотя бы у двух человек... Но это уже – предмет для иных, – интересных, но иных, – философских (и не только) рефлексий...

Да, так вот: «электроника – это наука о плохих электрических контактах». Я услышал это от Валентина Георгиевича. А, посему, считаю, что это его формула. Возможно, он считает иначе. Возможно: сам от кого-то услышал... Но это уже не суть важно. Она уже не принадлежит ни ему, ни мне. Никому. Ибо – принадлежит всем. Многим и каждому.

...Ну а дальше – это уже дело техники. Ведь: понятен алгоритм. Ключик заветный – в руках.

Физика (классическая) – наука о плохих взаимодействиях макротел, движущихся с микроскоростями.

Физика (квантовая) – наука о плохих взаимодействиях микротел, движущихся с макроскоростями.

Химия – наука о плохих реакциях (межмолекулярных и межатомных взаимодействиях).

Биология – наука о плохом обмене живого вещества.

Учитывая, что социальные взаимодействия суть общественные отношения, ниже – об определенных общественных отношениях.

Педагогика – наука о плохих образовании и воспитании (педагогических отношениях, производстве, обращении и потреблении).

Политэкономия (экономика) – наука о плохих производственных отношениях (экономических отношениях).

Политология – наука о плохих политических отношениях.

Социальная философия – наука о плохих общественных отношениях (социальных отношениях). Да что ж мы, все, свыше трех тысяч относительно самостоятельных, на сегодняшний день сущих наук, перечислять будем?!

Философия – это наука о плохих взаимодействиях.

Вот вам и лаконичный ответ на лаконичный вопрос. Вопрос: «для чего?». Ответ: «Закон действительного гуманизма».

Предельно лапидарная, лаконичная характеристика, понятие (от: понимать). Не дефиниция, не определение – Боже сохрани! – сути этого закона: «Человек есть цель». Каждый, многие, все. Это и есть: действительный гуманизм, сущий в форме практической всеобщности. Действительный гуманизм, способом осуществления (здійснення) которого есть творчество, а условием бытия – свобода. Свобода как необходимость.